

А. Барановский

**Заметки о литовском языке и
словаре**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 304
ББК 60.5
А11

A11 **А. Барановский**
Заметки о литовском языке и словаре / А. Барановский – М.: Книга по Требо-
ванию, 2014. – 86 с.

ISBN 978-5-4241-6169-8

Заметки о литовском языке и словаре.

ISBN 978-5-4241-6169-8

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2014

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2014

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

же встрѣчаются только въ отдѣльныхъ областяхъ и составляютъ продуктъ сравнительно недавняго времени. Безусловно общій элементъ въ языкѣ образуется вмѣстѣ съ возникновеніемъ племени, въ эпоху его первобытнаго, семейнаго состоянія и остается въ немъ, какъ подкладка подъ всѣми различіями нарѣчій и говоровъ, выработанныхъ его исторіей. Таковы въ языкѣ корни, основы, формы, система прототипической флексіи и словосочетаній, одинаково употребляемыхъ во всѣхъ нарѣчіяхъ и говорахъ. Различія же между отдѣльными нарѣчіями и отдѣльными говорами, составляютъ частный элементъ языка. При составленіи словаря необходимо имѣть въ виду оба элемента и собирать матеріалъ на всемъ пространствѣ, обитаемомъ литовцами. Есть предметы, имѣющіе разное названіе по отдѣльнымъ говорамъ, напр. комаръ: *ūdas, wárgms, kuisỹs*; голубь: *karwēlys, ba-łāndys*; камолый: *baūzas, szmūlas, būlas, glūmas*. и мн. др. Есть слова, употребляемая по всѣмъ говорамъ, но съ различнымъ значеніемъ, напр. *smagùs* ж. *smagi*: броскій, тяжкій, рѣзвый; *szėdyti*: падать, вкушать; *gėtys*: рѣдкое рѣшето; рѣшето всякое и т. п.

Говоры образовались медленно въ продолженіи долгаго времени. При количественномъ развитіи племени возникаютъ группировки общественныхъ интересовъ, соединяющихъ по областямъ массы народа въ тѣснѣйшія отношенія, отъ которыхъ, со временемъ, происходятъ по отдѣльнымъ областямъ различія нравовъ и обычаевъ въ жизни, а въ языкѣ—различія говоровъ. Литовскій языкъ, по принятіи образованными сословіями языка польскаго, въ продолженіе четырехъ столѣтій былъ языкомъ неграмотныхъ крестьянъ, общественная жизнь которыхъ вращалась въ тѣсныхъ кружкахъ, во 1-хъ въ семейныхъ сосѣдскихъ и родственныхъ собраніяхъ: на крестинахъ, свадьбахъ, похоронахъ и т. д., во 2-хъ въ барщинныхъ сходкахъ у своихъ помѣщиковъ и старость; въ 3-хъ въ праздничныхъ церковныхъ собраніяхъ цѣлыми приходами и въ 4-хъ въ базарныхъ и ярмарочныхъ встрѣчахъ, куда иногда прибывали покупатели и про-

давцы изъ нѣсколькихъ приходоу. Такимъ образомъ жители одной мѣстности въ продолженіи цѣлыхъ столѣтій не встрѣчались съ соплеменниками другихъ отдаленныхъ мѣстностей и посему неудивительно, что многія слова, формы и обороты рѣчи общаго литовскаго языка, носящаго отпечатокъ древней высокой племенной культуры сохранившіеся въ однихъ нарѣчіяхъ, въ другихъ вышли изъ употребленія. Древнѣйшіе письменные памятники: Даукши, Ширвида, Хилинскаго, Моркуна, Кейданскіе молитвенники, Мемельскій катехизисъ, и пр. писаны уже на извѣстныхъ авторамъ литовскихъ нарѣчіяхъ. Изъ сего слѣдуетъ, что нарѣчія образовались въ доисторическое время литовскаго племени вслѣдствіе расселенія его по областямъ, не имѣвшимъ постояннаго и полнаго сообщенія между собою. Поэтому и самое полное собраніе словъ и объясненій ихъ значенія въ одномъ какомъ-нибудь нарѣчій не можетъ представлять всего матеріала для литовскаго словаря.

Правописаніе литовскаго текста должно стремиться къ облегченію читателямъ изученія звуковыхъ законовъ литовскаго языка. Нѣмецкіе филологи, въ особенности Шлейхеръ и Куршаты, многое уже сдѣлали для литовскаго правописанія; но они еще не успѣли вполне выяснитъ нѣкоторыхъ вопросовъ и избѣгнуть нѣкоторыхъ неточностей, какъ это обнаружится ниже.

Статьи словаря представляютъ факты, на которыхъ ученые основываютъ свои научные выводы. Эти выводы будутъ тѣмъ точнѣе, чѣмъ точнѣе факты. Всякое искаженіе фактовъ всегда вредитъ наукѣ. Положительныя науки не мыслимы тамъ, гдѣ нѣтъ возможности провѣрить данныя факты. Поэтому и при составленіи словаря слѣдовало-бы собранныя и отчетливо записанныя слова и фразы отмѣчать какимъ-нибудь знакомъ указывающимъ, къ какому онѣ принадлежатъ элементу языка: къ общему или частному, а равно обозначать и мѣстность ихъ употребленія.

Переводъ словъ долженъ быть, по мѣрѣ возможности, точнымъ и полнымъ. Всякое слово, взятое отдѣльно, имѣетъ свое буквальное значеніе; многія слова имѣютъ еще значеніе метафорическое,

а нѣкоторыя и техническое. Изложеніе сихъ значеній принадлежитъ къ полнотѣ перевода. Неполнота перевода въ напечатанныхъ литовскихъ словаряхъ бросается въ глаза на каждой страницѣ. Я объяснилъ выше значеніе им. прилаг. *smagùs, -gì* броскій, вѣсскій, рѣзвый. Прямое значеніе сего слова, броскій, сохранилось въ восточномъ нарѣчій и доказывается глаголомъ, *smagiù, smogiaũ, smogti*, бросать пращей; *smagi rankà*, броская рука, *smagiaĩ sudĩti*, сильно ударить. Броскость, *smagũmas*, выражаетъ силу субъекта, вѣсскость бросаемаго предмета и успѣхъ дѣйствія. Въ однихъ литовскихъ мѣстностяхъ слово *smagus, -gì*, употребляется въ значеніи вѣсскій, тяжкій; въ другихъ же — рѣзвый. Ксендзъ *Miežinys* переводитъ: веселый, радостный, живой, рѣзвый; Куршатъ же: *geschmeidig, bequem zu handhaben*; наконецъ Нессельманъ: *schwer zu tragen oder zu ziehen*. Всѣ три перевода неполны и не совсѣмъ точны. Имя существительное *radėjĩmas*, употребляется въ значеніи: положеніе, мѣстоположеніе, помощь, распоряженіе, уставъ, глава въ книгѣ. Кс. М. переводитъ: положеніе, мѣстоположеніе, Куршатъ же: *die Hilfe*; оба перевода неполны. Весьма богатая видами морфологія литовскаго языка представляетъ слова въ нѣсколькихъ различныхъ формахъ, значеніе которыхъ, на первый взглядъ, одинаково; основательное, однакожъ, изслѣдованіе словопроизводства и внимательное наблюденіе употребленія сихъ формъ народомъ, удостовѣряетъ что всякое видоизмѣненіе слова по составнымъ частямъ, получаетъ извѣстный оттѣнокъ въ значеніи, отчетливо понимаемый чутьемъ говорящаго, хотя бы и необразованнаго народа и доступный изслѣдованіямъ ученыхъ. Точное изъясненіе подобныхъ различій лежитъ на обязанности лексикографа. Слова въ синтакгическихъ сочетаніяхъ подчиняются разнымъ вліяніямъ, измѣняющимъ смыслъ. Лексикографъ обязанъ подобныя измѣненія объяснить соотвѣтствующими фразами. Въ переводѣ слѣдуетъ излагать при каждомъ словѣ въ отдѣльности не только его буквальное, но и метафорическое и техническое значеніе если таковое имѣется, съ изъясненіемъ си-

нонимическихъ отгѣнковъ, избѣгая при томъ излишняго накопленія фразъ съ одинаковымъ значеніемъ, и пропущенія фразъ значеніе измѣняющихъ.

II.

Буквы изображаютъ звуки, звуки-же составныя части словъ и затѣмъ словъ. Въ составныхъ частяхъ словъ замѣтны двоякіе процессы: этимологическіе и фонетическіе. Первые совершаются въ словообразованіи и флексіи; послѣдніе же—при различномъ произношеніи по нарѣчіямъ и говорамъ однихъ и тѣхъ-же этимологическихъ элементовъ. Въ словахъ напр. tūk-ti, и táuk-as, перемѣна гласнаго звука u-въ a и въ корнѣ: tūk-, táuk-, составляетъ процессъ этимологическій. Въ формахъ же слова žasis, гусь, частной фонетики говоромъ: žasis, žasis, žòsis, žùsis, žòsis, žusis, перемѣны а въ: а, оп, ои, о, и—процессъ фонетическій. Группировка фактовъ одинаковыхъ перемѣнъ и наблюденіе условій, при которыхъ они совершились, приводятъ къ познанію этимологическихъ законовъ языка. Правописаніе, основанное на законахъ этимологическихъ, называется этимологическимъ; основанное же на точныхъ фактахъ различнаго по нарѣчіямъ и говорамъ произношенія—фонетическимъ. Правописаніе можетъ быть или строго этимологическимъ, или строго фонетическимъ, или же преимущественно тѣмъ или другимъ.

Правописаніе строго этимологическое требовало бы возстановленія многихъ устарѣлыхъ формъ въ языкѣ, перемѣнившихся въ историческихъ процессахъ общей фонетики при развѣтвленіи праязыка въ одноименные языки, и въ строгѣ произношенія, и представляло бы не живой, а какой-то мертвый, темный и для практическаго употребленія неудобный языкъ, или одинъ изъ давно минувшихъ его фазисовъ. Возстановленіе очень трудно, по-

тому что языки нашего времени значительно подержаны, лишены своей древней этимологической полноты. Время врапцаетъ жизнью племя, сотрясаетъ ихъ духомъ, видоизмѣняетъ обычаи и нравы. Все это отражается въ языкѣ, какъ зеркалѣ племенной жизни. Слова въ устахъ народа со временемъ сглаживаются, какъ камешки, ворячаемые струей или волнами, теряютъ свою шероховатость и объемъ: окончанія словъ стираются, начало и середина корчатся и сглаживаются, слоги сокращаются, срываются съ окончаній, выпадаютъ изъ середины; краткіе гласные, за убылью придыханій, сливаются въ одно, производя долгіе звуки. Фонетика языковъ нашего времени, напр. новогреческаго, нѣмецкаго и пр. непохожа на древнюю, сохранившуюся въ письменныхъ памятникахъ напр. Гомера, Ульфилы и др. Въ произношеніи французскихъ словъ, заимствованныхъ изъ латинскаго языка, напр. *maître, jeune, ancêtres, œil*, трудно догадаться древнихъ формъ: *magister, juvenum, antecessores, oculi*. Чѣмъ болѣе перемѣнъ совершается въ племенной жизни, тѣмъ болѣе ихъ и въ языкѣ. Племя, сплоченное и замкнутое въ себѣ, имѣющее немного соприкосновеній съ другими племенами, проводитъ домашнюю и общественную жизнь въ продолженіи вѣковъ въ одинаковой обстановкѣ; поэтому и языкъ его менѣе другихъ подвергается перемѣнамъ. Литовскій языкъ въ словообразованіи и флексіи сохранилъ полныя формы, сгладившіяся уже въ другихъ Индо-Европейскихъ языкахъ; но и въ этихъ его формахъ видны слѣды этимологическихъ процессовъ въ образованіи увеличенныхъ гласныхъ и подъёмовъ. Перемѣнамъ, главнымъ образомъ, подвергаются окончанія словъ. Составы корней отличаются устойчивостью гораздо большею, нежели морфологическіе и флексійные инфиксы и суффиксы. Между тѣмъ, увеличенные гласные и подъемы очень часто встрѣчаются не только въ послѣднихъ, но и въ первыхъ. Въ продолженіе послѣднихъ трехъ вѣковъ видоизмѣненія въ литовскихъ словахъ весьма рѣдки, малозначительны и встрѣчаются лишь въ окончаніяхъ, какъ о томъ удостовѣряютъ изданія 16-го вѣка. Къ пе-

ремѣнамъ новѣйшаго времени принадлежитъ образованіе говоровъ, которому предшествовала эпоха образованія нарѣчій, совершившагося, какъ я замѣтилъ выше, въ доисторическое время Литвы; образованіе же увеличенныхъ гласныхъ и ихъ подъемовъ совершилось еще раньше; во всякомъ случаѣ не позже эпохи развѣтвленія летто-литовскаго праязыка на языки: литовскій, прусскій и латышскій, а также и другихъ праязыковъ Индо-Европейской семьи на языки, сохранившіеся до нашего времени. По симъ соображеніямъ изслѣдованіе процессовъ возникновенія увеличенныхъ гласныхъ и ихъ подъемовъ — дѣло филологовъ, занимающихся сравнительною лингвистикой. Моя задача состоитъ въ изложеніи началъ общаго правописанія литовскаго языка, которое соответствовало-бы его нарѣчіямъ и говорамъ. Правописаніе такое должно быть только преимущественно этимологическимъ, основаннымъ на полныхъ формахъ словъ, составляющихъ подкладку нарѣчій и говоровъ. Формы эти отыскиваются посредствомъ сравненія нарѣчій и говоровъ. Такъ какъ согласно вышесказанному полныя формы словъ отъ продолжительнаго употребленія, сглаживая этимологическіе элементы, сокращаются и такимъ образомъ общій элементъ языка передѣлывается въ особенности говоровъ, то при подробномъ сравненіи говоровъ полныя формы предпочитаются сокращеннымъ, общія частнымъ, прототипическія созданнымъ аналогіей, акцентъ первичный вторичному. Принявъ за исходную точку теорію Шлейхера о подъемахъ, ослабленіяхъ и количественныхъ увеличеніяхъ литовскихъ гласныхъ, я ограничусь въ изслѣдованіяхъ этимологія примѣненіемъ ея къ лингвистическимъ фактамъ съ подробнымъ разсмотрѣніемъ количества, состава, акцента, фонетическаго и ритмическаго строя литовскихъ словъ и главныхъ различій между нарѣчіями и говорами въ предѣлахъ Ковенской губерніи, при сравненіи которыхъ, по мѣрѣ надобности, употреблять буду и правописаніе фонетическое.

Литовскій вокализмъ состоитъ изъ слѣдующихъ буквъ:

	простыхъ	сложныхъ	юсовъ	двугласныхъ.
твердыхъ	а, о, и	ą	ą, ą	ai, au, ui
смягченныхъ . .	ia, io, iu	ią	ia, ią	iai, iau, iui
мягкихъ	e, é, i, y	ė	e, ĩ	ei

Буквы *си* такъ пишутъ Шлейхеръ и Куршаты, за исключеніемъ одного только сложнаго звука *ё*, который К. пишетъ *ię*. Звукъ этотъ въ литовскихъ нарѣчіяхъ произносится *іе* въ говорахъ *R2* и *R3* *ia*; въ говорахъ же жмуйдскаго нарѣчія *ŽT* и *ŽR* *y*; во всѣхъ литовскихъ и жмуйдскихъ книгахъ до Шлейхера писалось *іе*. Шлейхерово *ё* болѣе соотвѣтствуетъ различіямъ нарѣчій, нежели двѣ буквы *іе*. Куршатова начертаніе *ię* несообразно по слѣдующимъ соображеніямъ: а) звукъ, выражаемый буквой *ё*, имѣетъ всюду количество долгое, равное цѣлому звуку, выражаемому буквой *ё* (*ё* = *ё*), буква же *і* въ начертаніи *ię* выражаетъ отдѣльный гласный звукъ, имѣющій количество отдѣльное отъ звука *ё*, при конечномъ составѣ слога меньшее, при начальномъ же — большее количества звука *ё*; напр. *ріёwa* (*ё* краткое) *kĳemas* (*ё* среднее). б) Акцентъ нисходящій (*gestossener* *Assent*) предоставляет удареніе звуку *i*: *ріёwa*, Куршаты же обозначаютъ: *ріёwa* = *ріёwa*, какъ будто бы удареніе падало на первый количественный моментъ звука *ё*, и какъ будто бы звукъ этотъ былъ долгимъ. Въ словахъ *рё-wa* и *рё-das*, первые слоги по количеству равны между собою, *рё* = *рё*-. в) Акцентъ восходящій (*schleifender* *Assent*) Куршаты помѣчаютъ *kięmas* = *kięmas*; онъ же помѣчаетъ долгое *ё* такимъ же восходящимъ акцентомъ, напр. *гё-das*, какъ будто бы часть звука *ё* въ начертаніи *ię*, въ словѣ *kięmas*, имѣла количество равное количеству такого же звука *ё* въ первомъ слогѣ *гё*- въ словѣ

gēdas; между тѣмъ слоги: kē- и gē въ словахъ kē-mas и gē-das между собою равны: gē = kē = kī + ē. По симъ соображеніямъ я предпочитаю начертаніе ě начертаніямъ: iē и ie.

Всѣ гласныя буквы Шлейхеръ выводитъ изъ трехъ первичныхъ основныхъ краткихъ гласныхъ ħ ī ū; поэтому онѣ распредѣляются въ слѣдующіе три ряда:

- 1, рядъ а имѣеть: а, а̇, іа, іа̇, е, е̇, і, у, і, о, іо
- 2, » і » і, у, і, ě, еі, аі, іаі,
- 3, » и » и, џ, іи іџ, ū, і ū, аи, іаи (аw, іаw, оw, іow).

Процессъ этимологическихъ перемѣнъ основныхъ гласныхъ, по Шлейхеру, бываетъ тройкій: а) ослабленіе, б) количественное увеличеніе и в) подъемъ.

Ослабленіе свойственно одному только звуку а, вмѣстѣ съ соотвѣтствующимъ ему юсомъ а̇, и имѣеть двѣ степени. Въ первой а перемѣняется въ е, а̇ въ е̇; напр. корень gras- въ глаголъ gras- ūti, грозить, имѣеть ослабленный гласный е въ I основѣ (настоящаго времени) глагола grēs-ti, строго запретить, gres-iū, gres-ī, grēs-ia, grēs-ia-me, grēs-ia-te, gres-iȧ-s, gres-ia-nti, gres-iȧ, grēs-ia-ma, grēs-ia-mas, gres-ia-mā. Корень graž въ глаголъ graž-ín-ti, возвращать, имѣеть ослабленный юсь е̇ въ глаголъ grēž-ti, поворотить. Во второй степени ослабленія е перемѣняется въ і, е̇ въ і, напр. въ глаголахъ: grīs-ti, отвывать, избѣгать и grīž-ti, вернуться.

Количественное увеличеніе принимаютъ звуки краткіе: е, і, и, перемѣняясь въ долгіе ē, у, ū. Звукъ і, какъ первичный основной, такъ и вторая степень ослабленнаго звука а, увеличивается въ у, напр. въ глаголъ srīg-ti, лягнуть, і представляетъ второе ослабленіе а корня srag-, въ многократномъ видѣ глагола srag-du-ti, лягать; въ I основѣ srīg-iū, srīg-ī, srīg-ia; во II основѣ (прошедшаго времени) имѣеть srūr-iaa, sруг'-ei, srūr-ē, srūr-ē-me, srūr-ē-te, srūr-ēs, srūr-usi, srūr-ē, sруг-ī-mas, sруг-ējas, sруг-ŭs, и пр. Глаголь rīsz-ti, вязать, имѣеть основной звукъ і, а въ им. сущест. rysz-ŭs привязъ, увеличенный у. Въ глаголъ

krip-terėti, шатнуться, (однократный мгновенный видъ), и *krip-sė-ti*, шататься (многократный мгновенный видъ), имѣется і первичное основное; въ видѣ же *kgûr-ti*, клониться, —увеличенное у. Звукъ е увеличивается въ ё, напр. глаголь *grės-ti*, строго запрещать имѣеть въ I основѣ е, *gre-siù*; во II ё, *grės-iaũ*, и пр. и въ III, *grės-dawau*, *grė-siù*, *grės-k*, *grės-ti*, ё увеличенный звукъ. Звукъ и краткій увеличивается въ и долгое, напр. глаголь *kûg-ti*, зажигать, въ I основѣ: *kûgiù*, *kûgi*, *kûg-ía* и пр. и-краткое; во II же: *kû-g-ia* и *kû-g-ei*, *kû-g-è*, и пр. и долгое. Глаголь: *griù-wù*, *griù-wau*, *griù-ti*, въ I и III основахъ имѣеть увеличенный звукъ *iù*- долгое, во II же, *-iù*- краткое. Звукъ а и юсы въ корняхъ не имѣють количественнаго увеличенія.

Подъемъ имѣють всѣ три первичные основные звуки: а, і, и, и соотвѣтствующіе имъ смягченные звуки: *ia*, *iù*; а имѣеть одну, і и и, по двѣ степени подъема. Юсы же, какъ принадлежащія къ числу долгихъ звуковъ, не имѣють подъема. Звукъ а въ подъемѣ перемѣняется въ о, напр. корень *gras-* въ глаголь *gras-ýti*, грозить, имѣеть подъемъ въ существит. *gras-à*, благочиніе. Есть корни, имѣющие всѣ вышеупомянутыя перемѣны, къ числу которыхъ принадлежитъ и корень *gras-*: *gris-ti*, *gres-iu*, *grės-iaũ*, *grės-ti*; *gras-ýti*, *gras-à*. Также корень *twar-*: *twirtas*, дождій, *twerg-iù* *twér-iaũ*, *twé-g ti*, горѣдить, созидать, *twog-à*, заборъ. Звукъ і въ первой степени подъема перемѣняется въ ё, иногда въ *ei*; во второй же, въ *ai*; напр. *tík-ti*, попасть, нравиться, сходствовать; *rasí-tėk-ėti*, заискивать; *teĩkt-es*, благоволить; *táik-inti*, согласовать, устроить, улаживать. *Snĩg-ti*, снѣжить; *snÿg-uriũti*, немного снѣжить; *snėg-as*, снѣгъ; *snėig-ėti*, снѣгомъ порошить, —видъ продолжительный; *snai-g-ýti*, видъ многократный продолжительный того же глагола *snėig-ėti*. Звукъ ù въ первой степени подъема перемѣняется въ ũ, во второй — въ *au*, напр. корень *plūr-* въ глаголь *plūr-ti*, начинать сильно течь, (видъ начинающаго сильнаго дѣйствія); въ глаголь *parlūr-ėti*, сильно прорваться, хлынуть,

(видь однократный непродолжительнаго сильнаго дѣйствія), имѣется увеличенный, долгій звукъ *u*; въ глаголѣ *plũp- ti*, изливаться (видь продолжительнаго сильнаго дѣйствія), *ũ* — первая степень подъема; *plaiũp- ti* течь сильною струей, (видь продолжительнаго усиленнаго дѣйствія), *au* — вторая степень подъема. Корень *sgũb-* въ существит. *sgũbà*, похлебка, съ подъемомъ первой степени въ глаголѣ *sgũb- ti*, хлебать, и второй—въ глаголѣ *sgiaũb- ti*, впиваться. Звуки: *ũ*, *au*, передъ гласнымъ звукомъ превращаются въ слоги: *a w*, *ow*; звуки же: *iũ*, *ia u*, въ слоги: *ia w*, *iow*, напр.

<i>ũ</i> въ <i>aw</i> : <i>szlũ- ti</i> мести	прошед. вр. <i>szław- iaũ</i>
<i>iũ</i> въ <i>ia w</i> : <i>waziũ- ti</i> , ѣхать	» » <i>wažia w- aũ</i>
<i>au</i> » <i>aw</i> : <i>gáu- ti</i> , получить	» » <i>gaw- aũ</i>
<i>ia u</i> » <i>ia w</i> : <i>kariáu- ti</i> , воевать	» » <i>karia w- aũ</i>
<i>au</i> » <i>ow</i> : <i>kráu- ti</i> , складывать	» » <i>krów- ia u</i>
<i>ia u</i> » <i>iow</i> : <i>spiaũ- ti</i> , плевать	» » <i>spió w- ia u</i>

Звука *ia* въ корняхъ нѣтъ, а только въ морфологiи и флекciи; подъемъ его въ корняхъ рѣдокъ, напр. *kriõk-ti*, храпѣть, *žiogas*, стрекоза; *plõkszczas*, плоскiй.

Двугласный *ui*, *iui*, есть только окончанiе дат. пад. ед. ч. муж. р., въ корняхъ же встрѣчается рѣдко, напр. *kui lys*, боровъ; *kui sys*, комаръ, *zui kus*, заяць; и въ словахъ заимствованныхъ изъ славянскихъ языковъ, напр. *muĩ łas*, мыло; *tuĩ- pas*, тынь; *muĩ tas*, пошлина изъ польск. *myto* и др.

Перемѣны гласныхъ въ словопроизводствѣ, не только въ корняхъ, но и въ основахъ и въ окончанiяхъ, совершаются по вышеуказаннымъ тремъ рядамъ, напр. *gerà*, *gerõja*; *staczà*, *staczõja*; *geri*, *gerẽji*; *neszũ*, *neszũsi*, *neszi*, *neszẽsi*; *gerũ*, *gerũju*, *gerũs*, *gerũsius*; *gerà*, *geràjã*; *geresnẽ*, *geresnẽje*; *geràs*, *gerõsias*—чѣмъ и обнаруживается основательность изложенной Шлейхеровой теорiи о подъемахъ, ослабленiяхъ и количественныхъ увеличенiяхъ литовскихъ гласныхъ, проливаю-